

ИДЕИ «ОБЩЕСТВА СВЕТА» В РОМАНАХ ПИСАТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «СВОИМИ СИЛАМИ»

«Общество Света» было организовано в 1936 г. в Ханое такими известными представителями литературной группы «Своими силами» (1933 г. - нач. 1940-х гг.), как писатели Няп Линь, Кхай Хынг, Хоанг Дао, поэт Тхе Лы, примыкавшими к ним художниками Нгуен Зя Чи, Нгуен Кат Тьонг и некоторыми другими. Быстро превратившись в достаточно широкое общественное движение, оно прекратило свою деятельность к началу 40-х гг. по объективным причинам, связанным в первую очередь с началом Второй мировой войны. Первоначально «Общество Света» ставило своей целью борьбу за улучшение жилищных условий бедняков, то есть, прежде всего, крестьян, путем строительства для них новых удобных домов для последующей сдачи в аренду за низкую плату или даже предоставления бесплатно. Но, кроме того, в его планы входило изменение всего архаичного образа жизни этих людей путем проведения широкой просветительской работы (например, борьбы с неграмотностью, выступлений с лекциями о здоровом образе жизни, о правилах санитарии и гигиены и проч.), а также оказания конкретной материальной помощи от строительства дорог, колодцев, медпунктов, собирания «народных» библиотечек до раздачи денег и риса нуждающимся¹.

Естественно предположить, что идеи и деятельность «Общества Света» не могли не найти отражения в литературном творчестве его представителей, хотя насколько можно судить до сих пор эта тема не поднималась. В данной статье речь пойдет о романах «Семья» Кхай Хынга (1896-1947) и «Светлый путь» Хоанг Дао (1907-1948), действие которых происходит во Вьетнаме 30-х гг. прошлого века и которые наиболее ярко иллюстрируют идеологию «Общества».

Как будет видно далее, рассматриваемые романы объединяет присутствие в них нового для вьетнамской литературы то-

го времени положительного персонажа – прогрессивного и просвещенного помещика, который в духе идей «Общества Света» радеет о благе простых крестьян, работающих на его землях.

Роман «Семья» вышел отдельной книгой в 1937 г., но до этого печатался на страницах газеты «Сегодня», принадлежавшей литературной группе «Своими силами».

В центре романа характеры и взаимоотношения членов «большой семьи» господина Нгуена, богатого и знатного человека, у которого три дочери и соответственно три зятя. Двое из них, а именно, мужа старшей и средней дочерей, становятся важными чиновниками и тем самым умножают престиж семьи. При этом муж старшей дочери думает только о карьере и наживе любыми средствами, а второй – слабохарактерный эгоист, для которого важно лишь личное спокойствие. Оба они олицетворяют два типа крупных чиновников, если так можно сказать, эгоистов, в колониальном Вьетнаме. На их фоне выделяется муж младшей дочери господина Нгуена – Хак. Ему посвящена отдельная линия романа, поскольку именно он является собой человека новой формации, думающего не только о себе, но и об общем благе.

Из романа известно, что Хак из семьи достаточно крупного чиновника, который сначала получил традиционное, то есть конфуцианское, образование, а потом, выучив французский язык, сделал карьеру в колониальном аппарате. Более того, уже имея жену и сына, он сначала завел роман, а потом и взял в «младшие жены» француженку, которая в результате вынудила «старшую жену», мать Хака, выхлопотать развод и вернуться в семью родителей.

После получения колониального среднего образования его сын Хак поступил в медицинский институт, но, не закончив его, бросил учебу и, женившись, переехал из города в сельскую местность, в имение, подаренное ему дедушкой и бабушкой со стороны матери, чтобы вместе с женой, разделявшей его жизненные идеалы и устремления, не делать чиновничью карьеру, а совершенствовать жизнь деревни и ее бедствующих жителей.

В имении Хаку нравилось заниматься сельским хозяйством, вникать во все подробности деревенской жизни, поэто-

му благодаря его хозяйственному таланту, а также уважению по отношению к крестьянам и арендаторам его имение процветало.

В романе говорится: *«Каждое утро, будь то жара или холод, Хак садился на лошадь и объезжал свое имение, чтобы посмотреть на поля. Если в засушливую пору вдруг случилось пролиться дождю, он радовался, как ребенок, надевал накидку из пальмовых листьев и отправлялся скакать по холмам. При этом он, поднимая лицо к небу, громко пел, словно хотел отблагодарить все четыре стороны света. Он не верил в Небо, но верил в добрую волю. А люди из породы стремящихся к добру всегда добиваются своих целей, даже если на их пути возникают преграды. Поэтому и дожди, пролившиеся вовремя, он воспринимал как проявление доброй воли Космоса, которое совпало с доброй волей людей.*

Он считал, что если у человека нет сильной и ясной веры, то у него не будет ни сил, ни решимости что-то делать. Возможно, эта философия была слишком оптимистична и наивна, но для него совершенно необходима, так же как необходима и для того дела, которым он занимался» (159; здесь и далее в круглых скобках указаны страницы цитируемого произведения – Т.Ф.)².

Например, до его приезда в деревню между старым управляющим и одним из арендаторов, взявшим в аренду 10 *мау*³ земли для выращивания апельсинов, случилась серьезная ссора из-за того, что арендатор не платил аренду, поэтому управляющий хотел его выгнать. Приехав на место и убедившись, что арендатор выращивает прекрасные апельсины, Хак позволил ему не платить аренду до тех пор, пока тот не встанет на ноги и у него не появятся деньги. А когда жена начала пилить его за такую щедрость, он стал читать ей лекцию о каких-то новых, по ее мнению, *«туманных социальных учениях»*. И в результате оказался прав - арендатор, начав получать доход, вернул хозяину долги сполна.

Хак с энтузиазмом занимался расширением полезных сельхозугодий, например, осушал заболоченные земли, которые никто не хотел осваивать из-за боязни заболеть малярией (209). Он посадил на своих землях тутовые деревья и стал раз-

водить шелковичных червей, чтобы развивать ткачество. Более того, он затеял строительство новых жилых домов и даже своеобразного «дома отдыха» для своих крестьян, куда бы те могли приходить в свободное от работы время (199).

При этом, судя по всему, ему приходилось преодолевать и сопротивление местных жителей, отношения с которыми не всегда складывались беспроблемно. Однажды, он, собравшись съездить на лошади к одному из них, сказал жене, что хочет проверить, строит ли тот новый дом в соответствии с планом, который он дал: *«Они такие упрямые, дорогая. Если я не приеду и не проверю, они ни за что не послушаются»* (122).

Как помещик передовых взглядов Хак считал, что может быть счастлив, только если люди вокруг него тоже счастливы, и старался делать как можно больше добрых дел.

Например, сестра жены Хака по приезде в его деревню не может без восхищения смотреть на рыночную улицу. В романе говорится: *«Выйдя на рыночную улицу, что сразу за воротами дома, Нга остановилась и стала с одобрением разглядывать недавно построенные дома - высокие, светлые и чистые. Их соломенные крыши с бамбуковыми коньками, добротные земляные фундаменты и покрытые белой и желтой известкой стены разительно отличались от тех рыночных строений, которые можно было обычно видеть в других деревнях»*.

Все это было делом рук Хака. Когда он принял плантацию, рынок находился почти в километре от деревни. Хак перенес его, сказав, что это неудобно для торговли местных жителей, но на самом деле ему хотелось разрушить темные и грязные хибарки и построить на их месте новые дома. Тогда почти на пол месяца он вместе с одним архитектором ушел с головой в чертежи и расчеты, словно какой-нибудь подрядчик, получивший прибыльное дело. А потом помогал деревенским жителям деньгами и всем прочим, в результате чего и появилась эта улица с радующими глаз рыночными строениями» (119-120).

Похвалив сделанное, Нга услышала от сестры, что за два года жизни в деревне, причем года урожайных, супругам не удалось скопить ни копейки, так как все уходило то на строительство рынка, то домов, то дороги. Кроме того, из романа из-

вестно, что Хак построил на свои деньги еще и придорожную чайную.

В романе Хака и самого радуют плоды его труда: *«Проезжая по рыночной улице, он не мог не притормозить лошадь, чтобы не полюбоваться ею, и не без чуточки самомнения подумал: «Все это сделал я!».* Потом он громко рассмеялся, искренне и без всякой задней мысли, как смеются люди, которые способны радоваться счастьем других людей» (122).

Имея хоть и незаконченное медицинское образование, он следил за здоровьем своих крестьян. Как сказано в романе: *«Хак постоянно заботился о людях, работавших у него на плантациях, и для этого всегда имел под рукой хинин, который раздавал нуждающимся»* (111), поскольку в те времена крестьяне часто болели малярией. Или: *«Хак осмотрел больного, пощупал пульс, измерил ему температуру. Проезжая поля или навещая арендаторов он всегда возил с собой градусник и наиболее необходимые лекарства, например, для головы, живота или глаз. И он радовался, что несколько лет, проведенных в мединституте, помогают ему в его деле»* (125).

До приезда Хака при прежнем управляющем одна из его деревень была центром азартных игр и грабежей, что крайне пагубно сказывалось на жизни местных жителей. Уездные власти ничего не могли или не хотели с этим поделать. Когда Хак ввел запрет на азартные игры в этой деревне, любители перекочевали в другую. Тогда он полностью запретил своим людям играть, пригрозив, что ослушавшиеся будут изгнаны с его земель. И это подействовало.

Оценивая поведение мужа, в целом одобряющая его жена, говорит, что единственный недостаток Хака, как ей кажется, - некоторая детскость, все-то он шутит, смеется, а когда деревенские девушки приходят просить лекарства, разговаривает с ними вежливо, как с *«благородными барышнями»*.

Положительно характеризует Хака и такая деталь - объезжая дома своих крестьян, он постоянно раздавал деревенским детям мелкие деньги.

Поэтому не удивительно, что его любили все *«обездоленные и слабые, которые терпели унижения и притеснения»*, то есть его крестьяне.

Такая жизнь, полная трудов и заботы не только о себе, но и о своих крестьянах, Хака по-настоящему удовлетворяла. Как-то, когда он объезжал свои поля и радовался созревающему рису, он подумал: *«Вот так я и буду жить. И моя жизнь не будет скучной, как я думал, потому что я занимаюсь земледелием не только для того, чтобы получать прибыль с урожая и на это безбедно и бездельно жить с семьей изо дня в день. Я буду жить среди людей, которых я люблю, буду помогать им для того, чтобы и их жизнь стала лучше»* (125). При этом Хак сам понимал, что отличается от большинства других помещиков-плантаторов.

Под стать Хаку была и его жена Бао. Про Бао в романе говорится, что как младшая дочь в семье, она была любимицей матери, которая именно по этой причине позволила ей учиться в престижной ханойской женской школе «Донг Кхань»⁴. Таким образом, Бао не только знала французский язык, но и благодаря колониальному образованию представляла собой новое поколение в той или иной степени европеизированных вьетнамских женщин. Ее мечтой было тихое семейное счастье, неизменным условием которого являются взаимные любовь и уважение молодых супругов, а не слепое исполнение воли родителей, как полагалось в традиционных семьях. Однако за это счастье ей и ее возлюбленному Хаку пришлось побороться.

Знакомые с детства благодаря дружбе родителей, они случайно встретились через лет десять, уже молодыми людьми, и полюбили друг друга, как сказано в романе, *«простой и чистой любовью»*. Но сначала родители Бао отвергли Хака, поскольку по их традиционным представлениям семья возможного жениха была недостаточно порядочной. Ведь его родители развелись, да еще и отец женился на француженке. После этого Бао тяжело заболела и даже попала в больницу, но тут вмешался Ан, муж средней сестры Бао и друг Хака, который под угрозой смерти Бао от несчастной любви уговорил родителей дать согласие на брак.

В своей семейной жизни Хак также выступал как передовой человек, считавший, что все несчастья от праздности, а счастье может гарантировать только полезный труд. Постепенно ему удалось убедить в этом и жену, под руководством

мужа она стала полностью разделять его взгляды. В романе говорится: *«Раньше Бао только читала книги да вместе с мужем принимала участие в обсуждении планов по развитию хозяйства. Теперь же, прислушавшись к Хаку, она разделила свое время между разными видами занятий: чтением, ткачеством, садовыми работами. Кроме того, она стала постоянно сопровождать мужа, когда тот отправлялся осматривать чайные плантации или апельсиновые сады. И так круглый год в зависимости от сезона. Так что скука от безделья была ей не ведома. <...> Более того, Бао заметила, что ее жизнь стала наполненной и обрела ясный смысл: она жила, чтобы трудиться и быть полезной»* (198).

Или в разговоре с матерью Хака Бао говорит такие слова: *«... чтобы быть счастливыми, люди должны постоянно трудиться. Вы сами вместе со мной порадуетесь, когда Хак достроит дом отдыха на Южном холме. Чтобы там в свободное время отдыхали деревенские женщины и дети... Что может быть лучше, чем видеть перед собой умытых и чисто одетых крестьян, которые непринужденно разговаривают и шутят. Потом и в других деревнях последуют нашему примеру и начнут строить такие же дома отдыха для крестьян. Когда я думаю об этом, то чувствую себя такой счастливой. Помоему, матушка, люди могут быть счастливы, только когда видят, что вокруг все счастливы»* (199-200). И она не только занимается полезным трудом, но и, например, выступает перед крестьянами с просветительскими лекциями. Так она говорит матери мужа, что *«На следующей неделе я буду рассказывать о гигиене и воспитании детей»* (200).

Кроме того, Бао считает, что и маленького сына лучше научить любить труд, чем оставлять ему большое наследство.

Можно сказать, что девизом ее жизни становятся следующие слова: *«Наш долг делать других счастливыми, как мы»*.

Именно такая жизнь наполняет Бао *«тихим счастьем»*. В романе есть эпизод, когда, сидя ранним утром за ткацким станком и слушая веселое щебетание птиц, она думает: *«Вот так и пройдет ее жизнь, жизнь ее мужа и сына, день за днем, подобно утреннему пению птиц. И никогда ей не будет скучно или тоскливо, потому что хоть ее и ждет череда похожих*

дней, но каждую минуту, каждый миг они будут наполнены новизной, новизной окружающего мира и жизни души, особенно жизни души. Вот совсем недавно она размышляла о новой легкой одежде, которую вскоре получают их крестьяне благодаря труду ее и ее семьи, сейчас же она всем сердцем жаждала открытия дома отдыха, в строительство которого вкладывал всю душу ее муж: так и ее счастье все время будет иметь разные оттенки» (201).

Интересно, что такого понимания счастья самой Бао уже мало, ей хочется, чтобы и другие разделяли взгляды ее и ее мужа, а в особенности женщины, уделом которых в традиционном вьетнамском обществе была только семья. Она размышляет: *«Положительные свойства аннамских женщин обычно проявляются только в семье: всю свою любовь, заботу и нежность они отдают мужу и детям. Но почему бы не выплеснуть их вовне? Ведь счастье не должно быть похоже на прекрасный остров посреди бушующего моря, оно должно быть, как участок спелого риса на таком же поле, которое простирается на все четыре стороны аж до самого горизонта»* (202).

Как видно, в романе «Семья» образ Хака во всей его положительности задан изначально и на протяжении романа не меняется, а вот его жена эволюционирует в сторону прогрессивных идей под влиянием мужа. Однако оба они воплощают социальные идеалы автора и именно в этом их основная функция.

Роман «Светлый путь» Хоанг Дао также первоначально печатался на страницах газеты «Сегодня», а отдельной книгой вышел в 1940 г.⁵.

Главный герой романа - молодой человек по имени Зюи из богатой семьи, который живет в Ханое, но одновременно является крупным землевладельцем.

В начале романа Зюи предстает перед нами как прожигатель жизни, уже внутренне опустошенный, потерявший смысл существования. Роман начинается с эпизода, когда Зюи провожает на вокзале свою очередную, надоевшую ему, любовницу. И уже здесь *«он смутно почувствовал, что где-то вдали, словно в тумане, его тихо ждала неясная беспричинная грусть»*

(10). И далее говорится: *«Зюи чувствовал, что кругом - одна фальшь, он страстно хотел найти свою правду, но каждый раз возвращался к тому, что обманывал себя. Ему хотелось чего-то прочного, но кругом была одна поверхностность и неопределенность. Это случалось уже столько раз, что он разуверился в себе и просто продолжал жить опостылевшей ему жизнью...»* (12).

Опустошенность Зюи доходит до такой степени, что его даже посещает мысль о самоубийстве. Чтобы забыть об этом, он отправляется гулять с друзьями и проститутками, но чувство неудовлетворенности не оставляет его: *«Он смутно чувствовал, что не хочет больше так жить, но не знал, как жить по-другому и главное - для чего жить по-другому»* (27). И тут он вспоминает, что получил письмо из дома, и решает отправиться в свое деревенское имение.

Уже на подъезде к деревне при виде рисовых полей под ярким солнцем у него совершенно меняется самочувствие: *«Солнечный свет, созревший рис, прохладный и наполненный ароматами ветерок... Зюи все сидел, держась руками за руль машины, сдерживая дыхание и боясь пошевелинуться. Его вдруг охватила радость жизни, жизни прекрасной, к которой он столько времени шел, к которой был близок и в то же время никак не мог к ней приблизиться»* (31). Или: *«Он только что нашел, причем, нашел как-то само собой, неожиданно-негаданно, без всяких усилий ту жизнь, которой хотел бы жить вместо того, чтобы растрачивать себя в загулах ... Хотя на самом деле он ничего не нашел. Это изменилась его душа - то, чего он так жаждал: не новая жизнь ждала его, а новый человек пришел на место старого»* (32).

Одним словом, приезд в деревню возвращает ему желание жить, он начинает перерождаться, хочет, чтобы его жизнь была *«простой и чистой»*, а не развратной и бессмысленной, как прежде. Эти два образа жизни не раз противопоставляются на протяжении романа.

Решимости жить по-новому добавляют его чувства к Тхо, дочке одного из арендаторов и подруге детских лет, которая превратилась в симпатичную и милую молодую особу. Тхо видится Зюи как образец чистоты: *«... его прошлая развратная*

жизнь отступила куда-то далеко; в его душе остался только мощный, словно переполненный соками, росток новой светлой жизни, жизни чистой, как образ Тхо сегодняшним утром» (45).

Очарованный красотой и искренностью Тхо, Зюи мечтает *«о тихой жизни, о чередѣ чистых дней бок о бок с ней; в этой жизни Тхо будет его чудесной феей, пришедшей к нему из сияющего рая, чтобы освободить его от той безбрежной тоски, которая переполняла его душу» (52).*

Эпизод, подтверждающий, что деревня возвращает Зюи ощущение радости жизни: *«Зюи смотрел на оживленную картину жатвы перед глазами и чувствовал, как его душа наполняется счастьем. На мгновение ему даже захотелось скинуть с себя шикарную и тесную европейскую одежду и одеться, как те, кто жнет и молотит рис, чтобы примкнуть к ним, чтобы соревноваться и смеяться вместе с ними и в полной мере ощущать ту радость, которую они испытывают, выполняя эту тяжелую работу» (68)⁶.* Но приезд в деревню и встреча с Тхо не только возвращают Зюи ощущение радости жизни, они заставляют его полностью пересмотреть свое мировоззрение: *«Зюи осознавал, что раньше он думал только о себе; сегодня же любовь к Тхо заставила его поставить счастье Тхо выше своего счастья, более того, эта любовь простерлась на всех крестьян, с которыми раньше он не чувствовал никакой связи, считая людьми из совершенно другого мира» (70).*

Так в его душе рождается стремление жить не только для себя, но и с пользой для других.

Укрепляет Зюи в этом стремлении то, что однажды он напрямую сталкивается с нищенским существованием бедной крестьянской семьи и в нем рождается желание изменить жизнь бедняков к лучшему: *«От жалости к этим людям ему стало неуютно и грустно, но теперь он точно знал причину своей грусти и, более того, он чувствовал, что у него достанет сил, чтобы помочь этим людям. Его душу охватило страстное желание - дать всем семьям, прозябающим под вот такими же ветхими соломенными крышами, жизнь обеспеченную и счастливую (79-80).* И в размышлениях, как это сделать, с чего начать, ему помог образ бескорыстно помогавшей бедным Тхо.

Когда через три месяца после женитьбы на Тхо к нему в гости приезжают трое старых ханойских друзей, с которыми он предавался разгульной жизни, он не только не радуется их приезде, но и с трудом воспринимает: *«... у него было чувство, что своих друзей он знал в какой-то предыдущей жизни, давным-давно, в каком-то далеком другом мире, который вдруг привиделся ему во сне. И внутренний голос сказал ему:*

- Наверное, это потому, что моя прошлая порочная жизнь уже сон. И только настоящая чистая и светлая жизнь - правда» (104).

Встреча со старыми друзьями утверждает его в правильности нынешней жизни и вызывает жалость к ним, так как они не способны понять, насколько их жизнь пуста. Он же разрабатывает для помощи крестьянам целую программу, планирует вырыть колодец, построить новую дорогу, школу и новые дома.

Более того, думая о крестьянах, он хочет их просветить, поскольку считает, что многие беды от их темноты и необразованности. Например, *«Эти мысли заставили его подумать и об окрестных крестьянах, которых он хочет перевоспитать. Он вспомнил, как прошлой ночью мучительно размышлял о том, как изменить нищенскую жизнь бедняков и чувствовал, что сострадание к ним расцветает в его душе, как благоуханный цветок»* (122 -123).

О сострадании и стремлении Зюи послужить обездоленным и просветить их свидетельствует и отрывок, связанный со случайно встреченной им женщиной: *«Вдалеке на холме, там, где кончается дорога, он заметил силуэт деревенской женщины, простоволосой, в заношенной коричневой одежде, которая несла тяжелое коромысло»* (123). Как ему кажется, ее печальный образ совершенно диссонирует с прекрасным деревенским утром. Кроме того, он заставляет Зюи представить себе словно воочию увиденную нищенскую жизнь бедной крестьянской семьи: *«В его памяти, как острая боль в ране, возник образ низкой, сырой и сделанной не пойми из чего лачуги того арендатора, в дом которого он как-то случайно зашел. Корзина плесневелого риса, стайка желтых, как увядшие листья детей, темная лачуга, чтобы укрыться в дождь и ветер или в испепеляющую жару - все это было скудной наградой для этих тру-*

жеников после тяжелого рабочего дня. И так будет всегда, скорбно подумал он, до их последнего вздоха. Но ведь и смерть будет избавлением всего лишь для одного конкретного человека. От таких мыслей у Зюи зарябило в глазах, он словно увидел, как эти болезненного вида дети вырастают и встают на смену своим родителям. Можно подумать, что трагедия завершилась, а нет, она повторяется.

- «Опустить занавес! Надо опустить занавес!» вскрикнул про себя Зюи. Да, надо опустить этот занавес навсегда! И впустить свет в каждую жизнь, сделать ее радостной. Не без гордости Зюи подумал, что уменьшит страдания крестьян, привести этих несчастных к счастливой жизни было его самым страстным желанием.

Какая-то лесная птица с красным, как гранат, брюшком пролетела вровень с головой его лошади и, залетев в чащу, запела. Зюи воспринял ее пение как одобрение той новой жизни, которую он хочет дать своим крестьянам. И он в запале подумал о грядущем успехе. Как эта неведомая ему птица, его арендаторы будут весело петь от хорошей жизни. На этом холме он больше никогда не увидит коричневой выцветшей одежды, худые от голода дети поздоровеют и порозовеют, а взрослые будут радостно трудиться до конца рабочего дня, а потом возвращаться в свои скромные, но светлые и уютные жилища, чтобы насладиться сытным и вкусным ужином, над которым будет весело подниматься пар.

- Я должен сделать их счастливыми» (124-125).

Но при этом Зюи думает, что надо не только сделать людей счастливыми, надо еще сделать так, чтобы люди осознавали свое счастье: «Они будут жить счастливо и будут осознавать, что счастливы, осознавать красоту своих свободных душ и свободного разума» (126).

В романе планы Зюи по переустройству деревенской жизни частично реализуются: «Зюи прыгнул на землю и посмотрел на новенькие дома под соломенными крышами, стоящие по обеим сторонам дороги. Они были построены на его деньги по проекту настоящего архитектора, разработавшего этот проект специально для деревенских жителей. Потирая руки, Зюи стоял и смотрел на в рядок высаженные бамбуки, на ак-

куратно постриженную солому на крышах, на большие окна и ровные плетеные стены на высоких фундаментах (133). Все это доставляет ему радость и даже гордость.

Но не все в его реформаторской деятельности оказывается так просто. Крестьяне вместо того, чтобы с пользой потратить данные им деньги на новый колодец, тратят их на проведение деревенского праздника. Его планы, направленные на улучшение жизни крестьян, наталкиваются на непонимание местных жителей. В романе говорится об этом следующее: сколько он ни старался преобразовать их жизнь, *«раз за разом он понимал, что они соглашались с ним только, чтобы отделаться от него, угодить ему на словах, а потом все возвращается на круги своя. Однажды, когда Зюи попробовал с пылом раскритиковать старые обычаи перед толпой крестьян, предложил разрушить общинный дом и организовать жизнь деревни по-новому, он увидел на их лицах только удивление и испуг, а на следующий день ему довелось случайно услышать из их уст в свой адрес такой комментарий: наверное, он сошел с ума. Вокруг него было столько страшных и укоренившихся предрассудков, что у него появилось ощущение, что он муха, попавшая в паучью сеть, которая изо всех сил старается выбраться, но у нее не получается» (146).*

Или как-то, приехав в одну из своих деревень, Зюи встречает ватагу ребятишек, один из которых подбегает к нему, чтобы попросить «копеечку»: *«Зюи нахмурился, увидев мальчика. Голова его была измазана зеленкой, а рахитичный живот походил на большую тыкву. Кроме того, мальчик постоянно моргал, чтобы отогнать мух, садящихся на его воспаленные и гноящиеся глаза. Радость Зюи тут же куда-то улетучилась и сменилась охватившей его неприятной досадой. Он поспешно протянул мальчику пять су и отвел глаза. Но тут рядом с новеньким домом он увидел еще одну удручающую картину. На грязной куче вокруг корзины с едой расположились несколько ребятишек в набедренных повязках, которым приходилось отгонять руками летающих вокруг мух. А рядом в поднявшейся от налетевшего ветра пыли сидела женщина и кормила малыша, разжевывая для него рис» (133-134).*

От увиденного Зюи приходит в смятение и решает зайти в дом этой семьи, где его поражают бедность и грязь. Внутри он видит, как хозяин жжет так называемое «ритуальное золото», то есть золотую фольгу, для поминовения предков, и думает о том, в какой темноте живет простой народ, насколько он суеверен и непрактичен. А дальнейший разговор с хозяином приводит Зюи в полнейшее расстройство. Когда хозяин начинает жаловаться на бедность, на нехватку денег, Зюи с иронией замечает: *«Да знаю я, на что тебе не хватает денег. На покупку ритуального золота, на поборы в пользу деревни, на покупку для малыша у общины должности, которая освобождала бы от налогов, ведь так?»* (134). И хозяин по простоте своей, не поняв насмешливого тона, с полной искренностью сообщает ему, что на все это ему пришлось даже продать последний клочок земли. Иными словами, променять единственное богатство на ничего не значащие вещи.

Именно после этой встречи Зюи начинает сомневаться, а хватит ли у него сил реализовать свои большие планы по улучшению жизни простых людей, и от отчаяния сбегает в Ханой, написав Тхо всего лишь пару строк, так как убежден, что Тхо слишком проста и наивна, чтобы понять его сложные чувства.

Но попытка вернуться к прошлой разгульной жизни оказывается неудачной. В ночном клубе, где Зюи находится с друзьями и бывшей любовницей, он испытывает чувство омерзения от грязи, царящей здесь: *«Тихая, чистая жизнь возникла перед его глазами, словно прекрасный сон посреди ужасной, порочной действительности, и полное природного благородства лицо Тхо»*. И мысль *«Зачем я здесь?»* приходит ему в голову (151).

Далее по сюжету он едет вместе с друзьями в дом к одному из старых друзей, чтобы весело провести ночь за трубкой опиума и с подружками, как прежде. Обстановка в доме шикарная, шампанское, коньяк льются рекой, но *«Неожиданно Зюи вспомнил о бедных крестьянах, живущих в грязных низеньких лачугах и вынужденных есть заплесневелый рис»* (158). Он с горечью думает, что у его друга огромные плантации где-то в провинции и ясно понимает, что *«этой роскошью тот обязан*

бедственному существованию крестьян, работающих на этих плантациях. Так первый раз в жизни ему приходит ясное понимание социальной несправедливости» (158).

Проснувшись после ночи с проституткой, Зюи чувствует полное опустошение и осознает истинную цену своей жизни в деревне с Тхо: *«Именно сейчас он ясно понял, что его жизнь там и от нее он уже не может убежать или забыть» (165).* Он окончательно находит свой *«светлый путь»*, а также приходит к выводу, что его уныние, разочарование в обретенном в деревне счастье с Тхо коренилось в непонимании того, что абсолютного счастья не бывает.

Прогуливаясь по ханойским улицам перед тем, как вернуться в деревню, Зюи рассматривает беспечную, хорошо одетую толпу, но в то же время видит и бедняков, и попрошайек, одному из которых стыдливо подает деньги, словно откупаясь. И тут он осознает, что обездоленные есть повсюду, а не только в его имении, что это *«общая беда всего человечества»*.

Случайно оказавшись затем в городской библиотеке вместе с другом, он начинает размышлять о том, *«Сколько талантов, сколько умов, сколько решительных душ, живших до него, размышляли о смысле жизни и страданиях человечества» <...> Сейчас, думал он про себя, наверняка тоже есть подобные люди, как раньше, и наверняка они и сейчас ищут способы сделать человечество счастливее» (176).*

Эти мысли придают ему уверенности, он понимает, что в своих стремлениях не одинок. И еще: только объединив усилия с такими людьми, с единомышленниками можно по-настоящему изменить общество. А поняв это, *«он опять подумал о деревенских жителях, об их темноте, о суевериях, но уже без всякой досады и презрения» (177).* Теперь он точно знает, что *«прошлая разгульная жизнь его больше не соблазнит»* и что *«у него достаточно сил претворить в жизнь все намеченное»*.

Как свидетельство окончательного внутреннего перерождения главного героя в романе звучат следующие слова: *«Зюи подумал о деревенских жителях, вспомнил библиотеку и обрадовался, так как понял простую причину темноты, которая подавляла бедных; если он не будет учиться и не будет раз-*

мышлять, и он станет таким же. Он получил образование, он умеет думать, теперь главное – нужно научиться каждый день самосовершенствоваться, чтобы узнавать все больше и делать так, чтобы и другие узнавали то, что знает он. Ради себя и ради других он должен постараться сделать так, чтобы люди становились все лучше и никогда не падали духом» (183).

А заканчивается роман следующими словами:

«Зюи внимательно посмотрел на шпалеру, увитую фасолью. Растенье было мощным и крепким, ветви его вились высоко вверх, делились на отростки, на которых уже оформились почки; ему почудилось в нем бесконечное, спокойное и настойчивое стремление дойти до конечной цели: зацвести, дать плоды, одним словом, жить. Восприняв урок из книг, Зюи с радостью воспринял и этот урок от растения; он будет твердо идти к поставленной цели, пока не добьется успеха. Он чувствовал, как его способности требуют отдать все силы на преобразование жизни. Помимо того фасолевого куста, сколько еще есть таких кустов, готовых дать цветы, а затем плоды; и сколько еще есть людей обеспокоенных, как и он, тем, чтобы принести людям лучшую жизнь. В этот момент Зюи захотелось поднять руки в знак приветствия таких людей, пока ему не знакомых, но более близких, чем самые близкие друзья.

А за противоположным краем стола тихо сидела Тхо и смотрела на Зюи, и лицо ее было спокойно, как озерная гладь без ряби. Она мечтательно думала о будущем, светлом, как это прохладное летнее утро, наполненное пением птиц» (184-185).

Конец романа, а именно возвращение Зюи в деревню и эти размышления, вселяют в читателей надежду, если не уверенность, что уж теперь-то он не свернет с избранного пути, а будет последователен.

Как видно, если в романе «Семья» Кхай Хынг создает идеализированный образ изначально «правильного» просвещенного помещика новой формации, то в романе «Светлый путь» мы имеем подробно описанную нравственную эволюцию образа главного героя, в начале романа развращенного богатой

и бесцельной жизнью в городе, которого спасает мысль о простой, трудовой жизни на благо людей в деревне. Таким образом, задача, которую решал в своем романе Хоанг Дао, более сложна, чем задача Кхай Хынга в романе «Семья».

Безусловно, оба рассмотренных произведения относятся к так называемым «тенденциозным романам» (*вьетн. tiểu thuyết luận đề, франц. roman à thèse*), возможно, даже слишком тенденциозным, за что часто упрекают писателей группы «Своими силами». Но, видимо, таковы были запросы времени, требующего немедленных социальных преобразований в пользу бедных, и сила убеждений их авторов⁷.

¹ Подробнее об «Обществе Света» см.: Филимонова Т.Н. Об общественно-просветительской и благотворительной деятельности литературной группы «Своими силами»: «Общество Света» // Вьетнамские исследования. М., 2015. Т. 5. С. 462-79.

² Цитаты из романа «Семья» даются по изданию «Вьетнамская романтическая литература (1930-1945). Ханой: Издательство «Общественные науки», 1989. С. 5-240 (*Văn xuôi lãng mạn Việt Nam (1930-1945). Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội, 1989. Tr.5-240*).

³ Один *мау* равен 3600 кв. м.

⁴ Женская школа «Донг Кхань» была открыта в Ханое в 1917 г. и является одной из старейших женских школ во Вьетнаме.

⁵ Иногда вторым автором романа «Светлый путь» значится Нят Линь. Все цитаты из этого романа даются по изданию: Хоанг Дао. Светлый путь. Сайгон: Издательство Кхай Чи, 1971. 185 с. (*Hoàng Đạo. Con đường sáng. Saigon: Nhà sách Khai Trí, 1971. 185 tr.*).

⁶ Европейская одежда кажется Зюи нелепой и мешающей ему чувствовать единение с народом и, когда он попадает на традиционный деревенский праздник.

⁷ Заметим, что при чтении этих романов и особенно романа «Светлый путь» на ум невольно приходит сравнение их с романом Л. Толстого «Анна Каренина» (имеется в виду преобразовательская деятельность в деревне Левина и Вронского), с которым Кхай Хынг и Хоанг Дао скорее всего были знакомы по французскому переводу.